

УДК 316.33

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-307-312

Экологический подход в социологии: возможности и ограничения, кейс проституции**Русакова М.М.**

Кандидат социологических наук, доцент,
директор Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Ткач С.
Ведущий социолог Центра прикладной социологии
Санкт-Петербургского государственного университета



Актуальность данного теоретического исследования обусловлена необходимостью разрешения накопившихся методологических противоречий монокаузальных теоретических моделей. Основная цель работы заключается в описании ключевых положений экологического подхода Ури Бронфенбреннера, анализе его возможностей и ограничений в контексте современных социологических исследований. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: дано определение макросистемы, мезосистемы, экзосистемы и микросистемы; описаны основные пути связи обозначенных систем; проанализированы преимущества и ограничения данного подхода на примере кейса исследования проституции. Научная значимость работы заключается в обозначении возможного пути реализации экологического подхода в социологических исследованиях через его синтез с другими исследовательскими традициями в дисциплине. Практическая значимость может быть обозначена через выделяемый потенциал для прикладных исследований с опорой на данный подход. Научная новизна работы заключается в отсутствии релевантных актуальных работ, рассматривающих теоретические перспективы экологического подхода в отечественной социологии.

Ключевые слова: экологический подход, макросистема, мезосистема, экзосистема, макросистема, практика, проституция

Для цитирования: Русакова М.М., Ткач С. Экологический подход в социологии: возможности и ограничения, кейс проституции // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 307–312. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-307-312.

Перед современной социологией стоит проблема поиска эпистемологических оснований, которые позволили бы учитывать актуальные социальные изменения, с одной стороны, и решить внутренние противоречия классических подходов, основанных

на монокаузальной модели объяснения – с другой [1]. Среди возможных решений рассматриваются эпистемологии, предложенные, например, Б. Латуром. Через акторно-сетевую модель Латур стремится отойти от классических каузальных моделей

в методологии социальных наук. Когда Латур задается вопросом о «претензи[и] общественных наук быть именно науками» [2, с. 20], он обращается к сущностному вопросу о возможности общественных наук и, в частности, социологии производить научное знание. Делая следующий шаг, следует указать, что знание в такой постановке вопроса – это «истинное убеждение вместе с некоторым условием X , которое может быть каузальной связью, обоснованием [...], надежностью [...] или более сложным условием» [3, с. 117–118]. Другими словами, Латур пытается отказаться от классического основания теоретической модели в социологии: $x \Rightarrow y$, где x – объяснительная переменная, а y – объясняемая, а задача проектирования теоретической модели – редуцировать возможные объяснения (множество переменных x) к минимальному их числу. Почему люди пожимают друг другу руки – хабитуализация; почему одни добиваются успеха в бизнесе, а другие нет – габитус; т.д. Однако такое объяснение, демонстрирует Латур, оказывается недостаточным, поскольку за социальным явлением x лежит также множество других факторов, образующих связи каузальности: «Г. Тард отмищен, он торжествует над Э. Дюркгеймом: общество ничего не объясняет, оно само должно быть объяснено. Слово «социальный» кодирует не субстанцию и не сферу реальности, а способ увязывать вместе гетерогенные пучки, транслировать один вид сущностей в другой» [4, с. 45]. Гетерогенность здесь понимается как внутренняя разнородность и множественность в противовес внутренней гомогенности и дискретности социологических категорий габитуса, хабитуализации и др.

Другим примером отхода от монокаузальности в эпистемологии являются работы по этнометодологии Г. Гарфинкеля. Гарфинкель явно указывает на это, когда приводит модель анализа, используемую следователями по уголовным делам, которую он предлагает заимствовать: «они [уголовные дела] изучаются и “прочитываются” в том числе по тому, что осталось, по разным кусочкам и фрагментам, например, тела и его атрибутов, по бутылочкам с лекарствами, по запискам, по кускам одежды и прочим памятным вещам – по всему тому, что можно сфотографировать, собрать и сохранить. Собираются также и “останки” другого сорта: слухи, брошенные на ходу замечания и истории – материал из “репертуара” любого человека, с которым может быть установлена связь в процессе рутинной работы ведения беседы» [5, с. 27]. Подобно следователю, социолог, по мнению Гарфинкеля, должен обращаться ко всем возможным и необходимым источникам данных и объяснениям происходящего, получая в итоге цельную и непротиворечивую картину описания социальной действительности.

Имплементация эпистемологии как акторно-сетевого подхода, так и этнометодологии в социоло-

гическую теорию сопряжена с трудностями, возникающими из противоречий между социологической традицией и обозначенными подходами. В частности, о неудаче имплементации этнометодологии в социологическую традицию пишет Т. Сафонова: «отмежевание [этнометодологии от социологии] – уже свершившийся факт, и сейчас можно говорить об этнометодологии как об отдельной дисциплине» [6, с. 22]. Также и акторно-сетевая теория, на что указывает И. Полонская, не нашла должного отклика в социологии, став основанием для развития самостоятельной дисциплины [7].

Резюмируя, можно констатировать, что две наиболее известные попытки привести в социологию сложную поликаузальность оказались неудачными, поскольку каждый из подходов предлагал программу исследования, настолько далекую от традиции социологии, что это привело к постепенному отмежеванию обоих подходов в отдельные дисциплины. Многообещающим на этом фоне оказывается экологический подход, который также дает возможность использовать поликаузальные теоретические модели, однако сохраняет основные социологические аксиомы, что позволяет его рассматривать строго в рамках социологической традиции. Целью данной статьи является изложение основных принципов экологического подхода в интерпретации У. Бронфенбреннера, а также описание возможностей и ограничений его применения в социологических исследованиях.

Истоки разработки экологического подхода Бронфенбреннера

Экологический подход, по определению Бронфенбреннера, это «научное изучение прогрессивного взаимного приспособления на протяжении всей жизни активного, развивающегося человеческого существа и изменяющихся свойств непосредственного окружения, в котором живет человек. [...] Этот процесс подвержен влиянию взаимоотношений в рамках данного окружения, а также со стороны более широкого контекста, в который это окружение включено» [8, с. 514].

Свои рассуждения Бронфенбреннер начинает с описания наблюдаемого им методологического и эпистемического кризиса в общественных науках, который заключается в неразрешимой дилемме между строгостью и релевантностью используемых методов и, шире, теоретических метафор. С одной стороны, полагает Бронфенбреннер, мы сталкиваемся со строгостью экспериментального метода, который направлен на получение точных, но очень ограниченных знаний о человеке и обществе. Строгие лабораторные условия эксперимента, по мнению Бронфенбреннера, скорее позволяют получать информацию о поведении и установках людей применительно к искусственно сконструированной реальности лабораторий. С другой стороны, более

свободный и приближенный к реальным ситуациям взаимодействия метод наблюдения, реализуемый в рамках натуралистского подхода, напротив, нередко оказывается редуцирован к нестрогим хаотичным заметкам ученого по поводу объекта исследования [8, с. 513]. То же справедливо и для теоретических моделей. Более строгие модели оказываются узкоспециализированными и обращенными к рассмотрению изолированных процессов, проявление которых в сложной системе общества может быть нивелировано сопутствующими факторами. Более общие и менее строгие теоретические модели, напротив, обладая определенной универсальностью, упускают чуткость и точность в прогнозах, которые могут быть сделаны с опорой на такие модели.

Бронфенбреннер заимствует из естественных наук основные категории и старается объединить натуралистский и экспериментальный подходы, апеллируя к общности объектов приложения данных подходов. Так же, как представители естественных наук имеют дело и в естественной среде, и в лаборатории с одними и теми же биологическими объектами, на человека действуют и микросоциальные факторы, и макросоциальные.

Основные понятия

Социальные явления, являющиеся объектом исследования в общественных науках, оказываются встроенными, согласно Бронфенбреннеру, одновременно в микросистему, мезосистему, экосистему и макросистему. Рассмотрим подробнее данные понятия:

Микросистема – совокупность взаимоотношений, возникающих между человеком и его ближайшим физическим окружением социализации: домом, школой, рабочим местом и т.д. [8, с. 514]. Микросистема в такой интерпретации оказывается синонимична термину *здесь-бытия* в теории практик [9], что позволяет увязать описание микросистемы с актуальными теориями практик, а материальное значение ключевых концептов (дом как здание и мебель в нем; школа как здание, мебель, инфраструктура и т.д.) делает концепцию микросистемы также удачной для ее теоретического синтеза с концепциями материального поворота в теории практик [10].

Мезосистема – это особая структура, которая образуется из взаимодействия микросистем [8, с. 515]. Через введение концепта мезосистемы Бронфенбреннер совершает первый шаг к теоретическому объединению микросоциологических процессов и макросоциологических. Определение мезосистемы как совокупности «носителей информации [о развитии] или основных условий развития» позволяет полагать, что данный шаг будет эпистемически сходным с введением П. Бурдьё концепции полей как пространства реализации практик агентами [11].

Экосистема – совокупность социальных систем, которые воздействуют на объект исследова-

ния, но в рамках которых сам объект исследования не развивается и не существует непосредственно [8, с. 515]. Данный шаг – введение концепта экосистемы – видится также синонимичным рассуждениям Бурдьё о разграничении (1) внутреннего и (2) внешнего контуров, которым в данной теории будут соответствовать (1) микросистема и мезосистема; (2) экосистема. Так, например, Бурдьё это описывает в отношении поля науки: «Наука должна рассматриваться с точки зрения ее двойственных отношений, с одной стороны, с социальным космосом, в который она вписана (внешнее прочтение); а с другой стороны, с социальным микрокосмом, образованным научным универсумом, тем относительно автономным миром, который располагает своими правилами функционирования и должен описываться и анализироваться как самостоятельное целое (внутреннее прочтение)» [11, с. 480]. Таким образом, внутренний контур составляют агенты, непосредственно вовлеченные в производство научного знания (научные сотрудники, лаборанты, аналитики и т.д.), а во внешний контур – те агенты, которые наукой не занимаются, но могут непосредственно влиять на научное знание (научные журналисты, политики, меценаты и др.). Однако Бронфенбреннер идет немного дальше в своей концепции, включая в экосистему не только агентов (действующих лиц), но и целые системы, что делает цепочки связанных систем ближе к концепту фигураций Н. Элиаса [12].

Макросистема – это всеобъемлющие институты культуры, субкультуры, права, образования, политики, экономики и иных сфер [8, с. 515]. Макросистема принципиально отличается от других выделяемых Бронфенбреннером систем тем, что она не относится непосредственно к объекту исследования, не является контекстом объекта, а задает правила и нормы развития других систем. Эти системы, отсюда, могут быть названы контекстуальными. Термин «институты» Бронфенбреннер использует в значении правил, норм, законов и обычаев – так, как они понимаются классическими институциональными экономистами.

Эпистемический ход связывания контекстуальных систем с макросистемой здесь синонимичен тому, который можно обнаружить в работе М. Де Сертто в попытке связать пространство практик и пространство правил (институций) [13]. Принципиальное различие будет происходить из наличия в концепции Бронфенбреннера промежуточных структурных элементов мезосистемы и экосистемы.

Данные четыре системы не существуют обособленно. Эвристический потенциал концепции Бронфенбреннера обнаруживается при рассмотрении взаимосвязей, которые они образуют. Итогом путешествия от микросистемы к макросистеме в исследовании оказывается текстовое описание, близкое к «насыщенному описанию» К. Гирца, в котором по-

вестование о поведении людей может перемежаться с теоретико-методологическими заметками, набросками описаний социального контекста, зданий, мебели, истории развития анализируемого сообщества и др. [14].

Ограничения и возможности экологического подхода: кейс исследования проституции

Изначально экологический подход предлагался Бронфенбреннером для описания процесса развития человека [15], однако далее была продемонстрирована во множестве работ (см., например [16; 17]) его применимость для анализа не только процессов, но и явлений.

В первую очередь, плодотворным оказался синтез с существовавшей длительное время в исследованиях девиантологии традицией экологического подхода Чикагской школы социологии. Наиболее ранней программной статьей на эту тему является работа Р. МакКинзи, изданная в 1925 г. [18]. Среди отечественных авторов можно привести диссертационную работу Л. Цветковой, где она опирается на экологический подход при рассмотрении феномена наркотизации в студенческой среде [19]. О перспективности использования экологического подхода для рассмотрения проблем девиации пишет и Э. Демченко [20], а также А. Прялухина [21].

Опираясь на это, анализ актуальной литературы по теме проституции позволяет представить следующие факторы, влияющие на жизненную траекторию женщин на уровне каждой из выделяемых систем:

1. Микросистема: вовлечение в проституцию членами семьи [22; 23], перенесенное насилие, в том числе сексуализированное [24; 25; 26]; практики употребления наркотиков [27], опыт побегов из дома [26; 28]; работа в сферах, смежных с проституцией (порнография, стриптиз и т.д.) [29]; уровень родительской заботы [30].

2. Мезосистема: регулярное насилие [31]; бездомность [32]; барьеры между своей деятельностью и частной жизнью [33; 34], воспитание в семье группы риска [35; 36].

3. Экзосистема: общественное отношение к проституции и стигматизация [37].

4. Макросистема экономическая нестабильность, уровень бедности в стране [38; 40], доступность системы образования [40].

Анализ возникающих взаимосвязей между обозначенными факторами был осуществлен авторами в ряде работ, построенных в смешанной парадигме на объединенных эмпирических данных серии исследований [41; 42]. Специфика экологического подхода, изложенная в данной статье, сделала возможным такое объединение.

Преимуществом данного подхода перед другими эпистемологиями, предполагающими поликаузальность, является сохранение аксиомы об иерархии взгляда исследователя и информанта. В социологи-

ческих исследованиях модель картины мира, конструируемая ученым, считается приоритетной над моделью мира информанта. В этнометодологии постулируется обратная ситуация, а в акторно-сетевом подходе – все картины мира равны, поскольку располагаются на одинаковом уровне плоского ландшафта сетей и акторов.

Рассматривая ограничения, следует указать, в первую очередь, значительный объем необходимых трудовых затрат и ресурсов для реализации исследований в рамках экологического подхода для анализа факторов на уровнях всех выделенных систем. Если допустить, что в описании будут присутствовать хотя бы по пять факторов в каждой из систем (в действительности их, вероятно, будет значительно больше), то в описании будут нуждаться 625 сценариев взаимодействия данных факторов. Отсюда подход остро нуждается в критерии ограничения объема исследования. Б. Латур в акторно-сетевом подходе, для которого справедливы те же сложности, предлагает оригинальный критерий для такого ограничения: «Остановитесь, когда напишете 50000 слов, или какой там формат [требуется для написанного текста]» [43, с. 207]. Разработка ограничений для экологического подхода может стать направлением для дальнейшей теоретической работы. Также серьезным ограничением выступает утрата лаконичности исследования и возможности из-за этого задавать лаконичные исследовательские вопросы [44], ответы на которые и могут быть названы научным открытием [45].

Среди направлений для дальнейшей разработки теоретического подхода могут быть названы исследование по определению возникающих противоречий и их разрешения при использовании в разных системах теорий в различных вариантах дизайна исследования (количественного, качественного, смешанного). Также важным видятся исследования анализа эвристического потенциала данного подхода в междисциплинарных исследованиях.

Литература:

1. Добренков В.И. Методологические и эпистемологические проблемы формирования теоретического знания в социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 5–32.

2. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. № 3. С. 20–39.
3. Демин Т. С. Бруно Латур и аналитическая эпистемология // Социология власти. 2019. № 31(2). С. 116–135.
4. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Бруно Латур. Когда вещи дают отпор: возможный вклад науковедения в социальные науки // Социологическое обозрение. 2001. № 1(1). С. 44–45.
5. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер. 2007. 335 с.
6. Сафонова Т.В. Непонимающая социология: истории из жизни этнометодологов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 8(4). С. 22–31.
7. Полонская И.Н. Альтернативная социология Б. Латура: к характеристике методологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 72–75.
8. Bronfenbrenner U. Toward an experimental ecology of human development // American psychologist. 1977. № 32(7). P. 513–531.
9. Taylor C. Engaged Agency and Background in Heidegger // The Cambridge Companion to Heidegger. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 317–335.
10. Хархордин О. Куда идет теория практик? Поворот к материальности // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 20–34.
11. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
12. Козловский В. В. Фигуративная социология Норберта Элиаса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3(3). С. 40–59.
13. де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 2013. 330 с.
14. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. 1997. № 1. С. 170–199.
15. Bronfenbrenner U. Developmental research, public policy, and the ecology of childhood // Child Development. 1974. № 45. P. 1–5.
16. Robinson L.E. et al. Teachers, stress, and the COVID-19 pandemic: A qualitative analysis // School mental health. 2023. № 15(1). P. 78–89.
17. Navarro J.L., Tudge J.R.H. Technologizing Bronfenbrenner: neo-ecological theory // Current Psychology. 2023. № 42(22). P. 19338–19354.
18. Park R.E., Burgess E.W., McKenzie R.D. The ecological approach to the study of human community // The city. Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1925. P. 63–79.
19. Цветкова Л.А. Социальная психология наркотизма в студенческой среде: дисс. ... док-ра психол. наук. СПб., 2011. 469 с.
20. Демченко Э.А. Взаимосвязь семейного неблагополучия и девиантного поведения подростков // Актуальные вопросы обучения, воспитания и психолого-педагогического сопровождения участников образовательного процесса. 2013. С. 203–206.
21. Прялухина А. В. Потребности в контексте девиантного поведения подростков // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. 2019. С. 199–206.
22. Reid J. A., Huard J., Haskell R. A. Family-facilitated juvenile sex trafficking // Human Trafficking. Routledge: Routledge, 2014. № 38(3). P. 361–376.
23. McNeal B. A., Walker J. T. Parental Effects on the Exchange of Sex for Drugs or Money in Adolescents // American Journal of Criminal Justice. 2016. № 41. P. 710–731.
24. Roe-Sepowitz D. E. Juvenile entry into prostitution: The role of emotional abuse // Violence against women. 2012. № 18(5). P. 562–579.
25. Widom C. S., Kuhns J. B. Childhood victimization and subsequent risk for promiscuity, prostitution, and teenage pregnancy: a prospective study // American journal of public health. 1996. № 86(11). P. 1607–1612.
26. McClanahan S.F. et al. Pathways into prostitution among female jail detainees and their implications for mental health services // Psychiatric services. 1999. № 50(12). P. 1606–1613.
27. Clarke R.J. et al. Age at entry into prostitution: Relationship to drug use, race, suicide, education level, childhood abuse, and family experiences // Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2012. № 22(3). P. 270–289.
28. Hartman C.R., Burgess A.W., McCormack A. Pathways and cycles of runaways: A model for understanding repetitive runaway behavior // Psychiatric Services. 1987. № 38(3). P. 292–299.
29. Williamson C. Entrance, maintenance, and exit: The socio-economic influences and cumulative burdens of female street prostitution. Dissertation Abstracts, 2000. Indiana. 197 p.
30. Whitbeck L.B., Hoyt D.R., Ackley K.A. Families of homeless and runaway adolescents: A comparison of parent/caretaker and adolescent perspectives on parenting, family violence, and adolescent conduct // Child Abuse & Neglect. 1997. № 21(6). P. 517–528.
31. Deering K.N. et al. A systematic review of the correlates of violence against sex workers // American journal of public health. 2014. № 104(5). P. e42–e54.
32. Simons R. L., Whitbeck L. B. Sexual abuse as a precursor to prostitution and victimization among adolescent and adult homeless women // Journal of family issues. 1991. № 12(3). P. 361–379.
33. Day S. What counts as rape? Physical assault and broken contracts: contrasting views of rape among London sex workers // Sex and violence: Issues in representation and experience. Oxfordshire: Routledge 1994. P. 172–189.

34. Brewis J., Linstead S. «The worst thing is the screwing»¹: Consumption and the management of identity in sex work // *Gender, Work & Organization*. 2000. № 7(2). P. 84–97.
35. Reid J.A. An exploratory model of girl's vulnerability to commercial sexual exploitation in prostitution // *Child maltreatment*. 2011. № 16(2). P. 146–157.
36. Lukman Z.M. et al. The relationship between dysfunctional family and the involvement of children in prostitution // *World Applied Sciences Journal*. 2011. № 12. P. 7–12
37. Weitzer R. The politics of prostitution in America // *Sex for sale: Prostitution, pornography, and the sex industry*. New York: Routledge 2000. P. 159–181.
38. Cobbina J.E., Oselin S.S. It's not only for the money: An analysis of adolescent versus adult entry into street prostitution // *Sociological Inquiry*. 2011. № 81(3). P. 310–332.
39. Oselin S.S. Leaving prostitution: Getting out and staying out of sex work. NY: NYU Press. 2014. 218 p.
40. Arnold E.M., Stewart J.C., McNeece C.A. The psychosocial treatment needs of street-walking prostitutes: Perspectives from a case management program // *Journal of Offender Rehabilitation*. 2000. № 30(3-4). P. 117–132.
41. Русакова М. М. Адаптация и погружение в жизненных траекториях женщин, вовлеченных в проституцию // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2019. № 19(1). С. 71–80.
42. Одинокова В.А., Ерицян К.Ю., Русакова М.М., Усачева Н.М. Факторы вовлечения в проституцию в несовершеннолетнем возрасте: результаты эмпирического исследования взрослых женщин // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. № 17(2). С. 267–280.
43. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
44. Thabane L. et al. Posing the research question: not so simple // *Canadian Journal of Anesthesia*. 2009. № 56(1). P. 71–79.
45. Langley P. et al. Scientific discovery // *The Philosophy of Science. An Encyclopedia*. 1987. New York: Routledge. P. 732–737.

Ecological Approach in Sociology: Possibilities and Limitations, Case of Prostitution

Rusakova M.M., Tkach S.
Saint Petersburg State University

The relevance of this theoretical study is due to the need to resolve the accumulated methodological contradictions of monocausal theoretical models. The main objective of the work is to describe the main provisions of the ecological approach of W. Bronfenbrenner, its capabilities and limitations. To achieve this goal, the following tasks were solved: a definition of a macrosystem, mesosystem, exosystem and microsystem was given; the main ways of communication of the designated systems were described; the advantages and limitations of this approach were analyzed using the example of a case study of prostitution. The scientific significance of this study lies in the designation of a possible way of implementing the ecological approach in sociological research through its synthesis with other research traditions in the discipline. Practical significance can be designated through the allocated potential for applied research based on this approach. The scientific novelty of this work lies in the absence of relevant current works considering the theoretical prospects of the ecological approach in domestic sociology.

Key words: ecological approach, macrosystem, mesosystem, exosystem, macrosystem, practice, prostitution

